

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ О ДРЕВНОСТИ НА ОКТЯБРЬСКИХ КОНФЕРЕНЦИЯХ 2017 г.

Начало октября 2017 г. ознаменовалось двумя конференциями в Москве, главной темой которых стало изучение древней истории в СССР. В этих конференциях приняли участие исследователи из России (Москва, Петербург, Казань, Челябинск, Омск) и Белоруссии (Минск). 5 октября в Музее истории ГУЛАГа состоялись «Самотёчные чтения – I: Советские ученые-гуманитарии в годы массовых репрессий» (организаторы С.Г. Карпюк и Г.М. Иванова). Конференция была посвящена широкому кругу вопросов о научной работе и судьбах советских историков древности и других ученых-гуманитариев в 1920–1950-е годы. После экскурсии по музею и краткого напутствия организаторов участники и гости конференции приступили к работе.

В докладе *Е.А. Чиглинцева* (Казань) «“Корабль истории” и рифы репрессий (судьбы античного наследия и его адептов в 1920–1930-е гг.)» была рассмотрена судьба Н.К. Зерова (1890–1937), известного поэта и переводчика на украинский и русский языки античных авторов, профессора Киевского университета. Выступив в качестве лидера литературного движения «неоклассиков», идейно-теоретической основой которого стала его культурологическая концепция античности как основы всей европейской культуры, он выдвинул идею о необходимости обогатить национальную литературу всеми богатствами мировой культуры. Это вызвало активные возражения деятелей пролетарской культуры, что привело во второй половине 1920-х годов к дискуссии о судьбах украинской литературы, а с начала 1930-х годов – к репрессиям в отношении самого Н.К. Зерова и его сторонников.

О.И. Малюгин (Минск, Белоруссия) в докладе «Историки БССР в годы массовых репрессий: от “великодержавных шовинистов” до “польских шпионов”» выделил три волны преследований белорусских историков в 1930-х годах: 1930–1931, 1932–1934 и 1936–1938 гг. В результате первых двух волн репрессий была практически целиком уничтожена национальная интеллигенция, в том числе и историки, как дореволюционного периода, так и сформировавшаяся в первое десятилетие советской власти. В ходе «большого террора» под удар попали преимущественно представители «новой» исторической науки, сформировавшиеся уже в сталинские годы. Результатом этих репрессий стало заметное уменьшение числа историков и резкое падение качества исследований в БССР, что затормозило подготовку новых научных кадров, разработку многих тем, объявленных ненужными и даже вредными для советской исторической науки.

А.М. Скворцов (Челябинск) в докладе «Дело античного кружка» и ленинградские историки античности на рубеже 1930–40-х годов» исследовал репрессии конца 1930-х годов в отношении ленинградских антиковедов – членов античного кружка при кафедре истории Древней Греции и Рима ЛГУ (С.И. Ковалева, Г.А. Стратановского, И.Д. Амусина, М.Н. Ботвинника, Л.Л. Ракова и др.), которые были обвинены в участии в контрреволюционной меньшевистской организации. Докладчик выявил линию поведения обвиняемых на допросах, а также стратегию защиты коллег: так, например, характеристики, данные на С.И. Ковалева, изобилуют критикой идей, подходов и трактовок проблем античной истории, политические же обвинения отсутствуют. Абстрактные обвинения становились фактически элементами защиты задержанных.

По мнению *С.Б. Криха* (Омск), автора доклада «Выжить на периферии: правила игры в сообществе советских историков древности в 1930–1950-е годы», наше состояние знаний в настоящее время позволяет относительно неплохо представлять судьбы историков в годы террора, но не позволяет ни с фактической, ни с методологической точки зрения надежно установить судьбы их научного творчества через призму влияния террора на этот процесс. Феномен постоянного страха, факты внешнего давления («проработки», критика в печати, идеологические кампании) и учет численных потерь ученого сообщества не позволяют в достаточной мере решить этот вопрос. Автор предлагает следующую логическую цепочку: «террор – влияние на сообщество историков – воздействие на научное творчество конкретных ученых». Согласно его предположению, в результате постоянного насильственного (в разных формах и степени) давления на ученых, ученое сообщество в качестве самозащиты выработало разделение на «центр» и «периферию».

В итоге некоторая часть исследователей взяли на себя функции выразителей абсолютно верной (идеологически и фактически) точки зрения, а все те, кто не мог этому полностью соответствовать, оказался на периферии (географической, публикационной, институциональной).

Доклад *С.Г. Карпюка* (Москва) ««Наши институты превратились в проходные дворы»: гуманитарные институты АН СССР в 1937 году» был посвящен описанию и анализу деятельности сотрудников гуманитарных академических институтов в пик массовых репрессий. По мнению автора, ученые выработали достаточно эффективный метод приспособления к советской действительности, заключавшийся в сворачивании активной деятельности, поскольку подобное поведение могло обеспечить сравнительно большую личную безопасность. В докладе *С.С. Левочкин* (Москва) «История философии в Советской России 20–30-х годов как академическая дисциплина» был прослежен «путь к монологу власти» в СССР: от «философского парохода» (1922 г.) через полемiku «диалектиков и механистов» (1924–1931 гг.) к разгрому школы А.М. Деборина в 1930–1937 гг. Конференция завершилась обсуждением докладов и возможных тем будущих конференций.

6 октября в Институте всеобщей истории РАН, а 7 октября в РГГУ прошла очередная конференция «Советская древность – 3», посвященная памяти Ю.Н. Литвиненко (организаторы С.Г. Карпюк и И.А. Ладынин). Первый день конференции начался с краткого вступительного слова организаторов, поведавших о достижениях и предложивших подумать о перспективах изучения советской древности.

В докладе *О.И. Малюгина* (Минск, Беларусь) «Минские древности: как в БССР создавали центр изучения древневосточной и античной истории» были выделены три этапа создания этого центра. На первом из них (1921–1931 гг.) изучение древности было сосредоточено во вновь организованном Белорусском государственном университете, где преподавал Н.М. Никольский. Эта попытка оказалась неудачной из-за политики, направленной на сокращение преподавания в вузах «ненужных» дисциплин, в число которых попала и древняя история. Вторая попытка (1934–1941 гг.) была связана с созданием в вузах исторических факультетов, когда началась подготовка национальных кадров по древней истории. Она также оказалась неудачной, но причинами этого стали массовые репрессии 30-х годов и последовавшая затем война. И лишь третья попытка (1944–1960 гг.) оказалась успешной (особенно в области античной истории), благодаря привлечению специалистов из других республик и подготовке научных кадров в академических центрах Москвы и Ленинграда.

В докладе *О.В. Метель* (Омск) «Проблема институционального становления советской науки в 1920–1930-е гг.» была представлена эволюция основных советских институций 1920–1930-х годов, связанных с изучением древней истории. На широком архивном материале были рассмотрены попытки создания главного марксистского центра исследования древности в Москве и Ленинграде. Также были выделены причины лидерства ГАИМК в данной области в первой половине 1930-х годов.

Доклад *А.В. Ивановой* (Москва) «Институт истории: от Комакадемии к Академии наук» был посвящен проблеме перехода от «комакадемической» к «академической» науке в середине 1930-х годов. Среди причин ликвидации Института истории Комакадемии автор выделила узкую тематику и неэффективную организацию труда. Главная причина упразднения Комакадемии и перевода Института истории в АН СССР заключалась в идеологическом несоответствии значительной части сотрудников Комакадемии «генеральной линии» сталинского руководства.

В докладе *П.А. Евдокимова* (Москва) «Советский ученый за границей: зарубежные командировки С.В. Киселева (1950–1962 гг.)» был дан обзор архивных материалов о поездках видного советского археолога в Китай (1950 и 1959 гг.), а также в Грецию и на Кипр (1962 г.). В каждом из рассмотренных случаев поездка ученого за границу была продиктована текущими внешнеполитическими интересами СССР и, помимо чисто научных задач, служила делу установления культурных связей и пропаганде достижений советской исторической науки. Сопоставление дневниковых записей, сделанных С.В. Киселевым во время поездки в Китай в 1959 г., с дневником, сохранившимся от посещения Средиземноморья, позволяет увидеть общие поведенческие модели и ментальные сценарии в восприятии ученым иной культуры и достижений местных археологов. При этом записи, сделанные ученым во время командировки на Кипр и в Грецию, носят заметно менее идеологизированный характер, чем его китайский дневник.

И.А. Ладынин (Москва) в докладе «Своевременный феодализм: образ древнего Египта в работах Д.А. Ольдерогге 1920-х гг.» обратился к двум небольшим статьям основоположника советской африканистики, в начале своего научного пути колебавшегося в выборе между этой специальностью и египтологией. В них молодой ученый использует терминологию, связанную с концепцией древнеегипетского общества как феодального, однако своими фактическими

наблюдениями и выводами достаточно последовательно ее опровергает. Докладчик предположил, что эти статьи отражают фактическую оппозицию Ольдерогге концепции, которая в 1920-е гг. «делала погоду» в изучении древнего Египта усилиями таких ученых, как В.В. Струве и И.М. Лурье.

В докладе *А.В. Ашаевой* (Казань) «Советская» и «постсоветская» древность в Восточной Европе» были представлены современные взгляды антиковедов Восточной Европы на недавнее прошлое региона, а также на роль и место исследований античности в нем. Ряд международных проектов последнего десятилетия в Восточной Европе, посвященных истории антиковедения и отдельным представителям науки в социалистический период, обнаруживают определенную тенденциозность в освещении предметного поля и его представителей с 1945 по 1989 г., давая основание говорить о специфичном восточноевропейском конструкте — «советской социалистической» древности. Именно античность, по мнению современных антиковедов, представляющих историю своего научного сообщества, стала одним из маркеров социалистической эпохи, являясь символом «диссидентской» борьбы ученых с социалистическим режимом и в то же время элементом общей образовательной системы социалистических стран. Таким образом, «советская» древность в «постсоветский» период представляется еще одним поводом для пересмотра истории 1945—1989 гг. и тем самым оказывается актуальной повесткой для обсуждения в политическом контексте стран Центральной и Восточной Европы.

Второй день конференции начался с дискуссии в прямом эфире радиостанции «Говорит Москва», которую вели С.Г. Карпук и С.Б. Крих при участии ведущего передачи «Родина слонов» М.М. Родина и А.В. Ивановой, зачитывавшей архивные документы. Тема передачи «Советские историки в сталинскую эпоху: достижения и потери» способствовала оживленной дискуссии. Доклады и обсуждение продолжались в РГГУ.

В докладе *Е.А. Чиглинецва* (Казань) «Рецепция античности в социокультурном измерении: коммуникация; интерпретация; коммеморация» были рассмотрены теоретические аспекты рецепции античного наследия с точки зрения ее социокультурных проявлений. Во-первых, рецепция анализируется как коммуникативная практика в двух аспектах: коммуникация античности с современностью и коммуникация внутри настоящего по поводу античности. Второй аспект осуществляется через интерпретацию полученного материала, которая осуществляется четырьмя способами, тесно друг с другом связанными: через формирование традиционного исторического нарратива, через создание вербального или визуального образа, через создание метафор и, наконец, через типологизацию или моделирование. Через интерпретацию рецепция, в свою очередь, может стать и основой социокультурной памяти общества и коммеморативных практик. В частности, именно античность как общеевропейское духовное «место памяти» может быть основой общеевропейской культурной памяти, а значит и европейской идентичности, поиском которой озабочены европейцы.

Целью доклада *С.Б. Криха* (Омск) «Борьба за прошлое: В.И. Авдиев, Н.М. Никольский и В.В. Струве о своей роли в ранней советской историографии» было рассмотреть и проанализировать версии трех участников создания ранней советской историографии древневосточной истории, касающиеся этого этапа историографии и их собственной роли в указанный период. С.Б. Крих обозначил основной круг источников, кратко изложил сами версии, выделив в них опорные пункты, особенно отметил расхождения и специфические черты каждой из версий. Автор доклада предположил, что каждый из историков может быть типизирован до одной из характерных в советское время фигур: «лидера науки», защищающего свои завоевания (В.В. Струве), «непримиримого оппонента», пытающегося их оспорить (Н.М. Никольский) и «примирителя», получающего наибольшие выгоды от взвешенной позиции (В.И. Авдиев).

Доклад *О.В. Кулишовой* (Петербург) был посвящен теме «Сергей Александрович Жебелёв в конце 1930-х — начале 1940-х годов (по материалам академических архивов)». Для характеристики деятельности ученого, который в этот период рассматривался как старейшина советских антиковедов, О.В. Кулишова обратилась к весьма информативному, но сравнительно редко используемому историографами и специалистами по истории науки комплексу источников — стенограммам и протоколам заседаний Ученых советов институтов и других академических учреждений Москвы и Ленинграда.

А.М. Скворцов (Челябинск) в докладе «В разгар войны: защита докторской диссертации А.В. Мишулина» на основе архивных данных продемонстрировал, что А.В. Мишулин расценивал защиту докторской диссертации как своеобразный ритуал, позволявший ему заслужить авторитет среди именитых историков и стать полноправным членом научного сообщества, чего невозможно было достичь благодаря прошлым публикациям (в частности, монографии о восточном Спартаке). Несмотря на военные условия, с формальной и содержательной точки зрения

диспут прошел практически идеально. Проанализировав автобиографию А.В. Мишулина 1943 г. и сравнив ее с автобиографиями 1920–1930-х годов, докладчик пришел к выводу, что соискатель пытается позиционировать себя именно как настоящего «академического ученого» (не «выдвиженца»), прошедшего все необходимые стадии научного «взросления».

В докладе *С.Г. Карпюка* (Москва) «А.В. Мишулин, основатель московского академического антиковедения» была рассмотрена деятельность А.В. Мишулина в качестве организатора академической науки о древности в Москве: его решающая роль в сохранении «Вестника древней истории» в 1930-е годы, восстановлении его издания после войны, а также создание им в Москве сектора древней истории в составе Института истории АН СССР и сектора античной археологии в составе ИИМК. Все доклады вызвали интерес слушателей; завершилась конференция оживленной дискуссией.

Sergey G. Karpyuk,
Institute of World History, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: oxlos@yandex.ru

С.Г. Карпюк,
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Vestnik drevney istorii
78/1 (2018), 155–159
© The Author(s) 2018

Вестник древней истории
78/1 (2018), 155–159
© Автор(ы) 2018

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НОЯБРЬСКИЕ ВСТРЕЧИ (ЛІСТАПАДАЎСКІЯ СУСТРЭЧЫ) – XII» (Минск, 16–17 ноября 2017 г.)

Традиционная международная научная конференция «Ноябрьские встречи – XII» состоялась на историческом факультете Белорусского государственного университета 16–17 ноября 2017 г. Как и предыдущие мероприятия, она была посвящена памяти отцов-основателей БГУ – академиков Николая Михайловича Никольского и Владимира Николаевича Перцева, 140-летие со дня рождения которых отмечалось в 2017 г. Организатором конференции по сложившейся традиции выступила кафедра истории древнего мира и средних веков Белорусского государственного университета, на которой долгое время работали Н.М. Никольский и В.Н. Перцев, а в число членов оргкомитета вошли представители российской академической науки – профессор РГГУ и ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН С.Г. Карпюк и профессор Санкт-Петербургского государственного университета О.В. Кулишова.

Сообразно научным интересам Н.М. Никольского и В.Н. Перцева, работа конференции была организована в ряде секций: по истории восточных стран и народов, истории античного мира, средневековой истории и истории раннего нового времени, а также секций истории славянских народов и истории религии. Участие в работе конференции приняли ученые из Белоруссии, России, Украины, Швеции. Ряд докладов, как на пленарном заседании, так и на заседании секций, были посвящены истории древнего Востока и античного мира.

Открылась конференция 15 ноября 2017 г. пленарным заседанием, на котором с приветственным словом к участникам и гостям конференции обратились декан исторического факультета БГУ А.Г. Кохановский и заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков В.А. Федосик. Они пожелали плодотворной работы участникам конференции, а также углубления научного сотрудничества ученых разных стран. Первые три доклада пленарного заседания были посвящены памяти академиков Н.М. Никольского и В.Н. Перцева. В своем докладе *И.О. Евтухов* (Минск) затронул московский период жизни и творчества Владимира Николаевича Перцева, отметив те факторы, которые поспособствовали его становлению как историка-новиста, специалиста по германской истории. Было обращено внимание и на то, как в дореволюционные годы начинает формироваться интерес исследователя к проблемам античной истории. О смоленском периоде в жизни Николая Михайловича Никольского рассказал в своем докладе *О.И. Малюгин* (Минск). Он отметил, что работа в новом провинциальном вузе для Никольского и ряда его